DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_246

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ КОРРУПЦИИ

БИКМУРЗИНА Наталья Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
E-mail: bikmurzina.n@inbox.ru;
ДАВЫДОВ Денис Геннадьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
E-mail: koshelevsergey@icloud.com;
КАПАЕВ Максим Александрович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
E-mail: kapaev11@inbox.ru;
ГУРЕВИЧЕВА Юлия Анатольевна,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
E-mail: saransk213@inbox.ru;
КОШЕЛЕВ Сергей Анатольевич,
ассистент кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
E-mail: koshelevsergey@icloud.com

Статья написана в рамках сетевого гранта «Формирование у обучающихся антикоррупционных компетенций в условиях современной образовательной организации» с Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (руководитель – Д. Г. Давыдов).

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу коррупции, на примерах прошлого и настоящего. Данный феномен зародился с того момента, как сформировалось общество людей. До настоящего времени коррупция остается проблемой всего мирового сообщества. Автор приводит механизм по предупреждению и борьбы с коррупцией на современном этапе.*

Abstract: *the Article is devoted to the analysis of corruption, using examples of the past and present. This phenomenon was born from the moment when the society of people was formed. To date, corruption remains a problem for the entire world community. The author provides a mechanism for preventing and combating corruption at the present stage.*

Ключевые слова: *коррупция, взяточничество, девиантное поведение, преступление, антикоррупционное законодательство.*
Keywords: *corruption, bribery, deviant behavior, crime, anti-corruption legislation.*

Дискуссия о сущности самого феномена коррупции и взяточничества ведется на протяжении длительного периода развития общества и государства, в течении которого сложилось несколько научных подходов к определению коррупции. Философы древнегреческой школы заложили основы первого классического понимания коррупции, как важнейшей характеристики морально-нравственного состояния общества. Ярким представителем указанного направления был Аристотель, рассматривавший коррупцию как системное явление. По мнению Аристотеля, как справедливо отмечает М. В. Шедий, коррупция была не просто широким спектром преступлений, а серьезным системным фактором, оказывающим разрушающее влияние на все стороны государства - экономическую, политическую, социальную и т.д. [6] В русле морализаторского подхода коррупцию рассматривал и итальянский философ Николо Макиавелли, отмечавший наносимый ее вред общественной морали и этике.

Фактически, коррупция иллюстрируется очень широким и разнообразным набором явлений, из которых взяточничество является лишь одним видом, а кумовство – другим. Случаи коррупции включает в себя следующее. Уполномоченный по налогообложению направляет публичные денежные средства на свой личный банковский счет, тем самым разрушая государственную финансовую систему. Политическая партия обеспечивает большинство голосов, организуя заполнение избирательных урн фальшивыми бюллетенями для голосования, что наносит ущерб избирательному процессу. Сотрудник полиции фабрикует доказательства для вынесения приговора, что приводит к коррупции в судебном процессе. Врачи отказываются давать показания против коллеги, который, как они знают, проявил халатность в связи с неудачной хирургической операцией, ведущей к гибели людей. Спортивный тренер обеспечивает спортсменов, которых он тренирует, запрещенными веществами, чтобы повысить их работоспособность, тем самым подрывая институциональные правила, установленные для обеспечения честной конкуренции. Само собой разумеется, что ни одно из этих коррупционных действий не является случаями взяточничества или кумовства.

Мы можем сделать вывод, что многие из исторически влиятельных определений коррупции, а также попыток ограничить коррупцию путем перечисления парадигматических преступлений не удаются. Они терпят неудачу в значительной степени потому, что класс коррупционных действий включает в себя чрезвычайно разнообразные виды моральных и юридических преступлений, совершенных в самых разных институциональных контекстах, включая, но ни в коем случае не ограничиваясь, политическими и экономическими институтами.

Современная трактовка более прогрессивна. Философы, по крайней мере, определили коррупцию как моральное, а не юридическое явление. Правовые акты могут быть коррумпированными, даже если они являются законными.

Необходимо отметить ключевую роль привычек. Многие коррупционные действия обычно являются привычными. Тем не менее, как отмечает Аристотель в своей «Никомаховой этике», привычки человека в значительной степени определяют его нравственный характер; привычки делают мужчину мужчиной, а женщину

женщиной. Трус – это тот, кто обычно бежит перед лицом опасности; напротив, мужественный человек имеет привычку стоять на своем. Соответственно морально вредные привычки – включая коррупционные действия – чрезвычайно разрушительны с точки зрения морали и, следовательно, институциональных ролей и, в конечном итоге, институтов [1]. Естественно, что так называемая системная коррупция обычно включает не просто привычное совершение коррупционного действия одним человеком, но и привычное совершение коррупционного действия группой лиц или, возможно, обществом или государством.

С точки зрения онтологии, существуют различные виды «сущностей», которые могут быть искажены. К ним относятся люди, слова, артефакты, такие как компьютерные диски и так далее. Таким образом, наше внимание к институциональной коррупции влечет за собой акцент на коррупции отдельных людей. Однако в случае институциональной коррупции акцент на коррупции людей делается на людях как институциональных акторах.

При теоретизировании институциональной коррупции необходимо учитывать различие между целым обществом или государством, с одной стороны, и составляющими его институтами, с другой. Соответственно, класс институтов весьма разнообразен и включает политические институты (например, законодательные органы), рыночные институты (например, корпорации), учебные заведения (например, университеты), службы безопасности (например, полиция и военные организации) и так далее.

Вполне вероятно, что коррупция в целом, в том числе институциональная коррупция, часто, если не всегда, включает в себя уничижение морального характера людей и, в частности, в случае институциональной коррупции, уничижение морального характера институциональных ролей. В этом смысле институциональная коррупция включает в себя личную коррупцию и тем самым связывает институциональную коррупцию с моральным характером. Естественно, что в случае институциональной коррупции, наносится больший институциональный вред, чем просто уничижение морального характера лиц, занимающих институциональную роль – акторов [2].

Однако, возможно, подрыв институциональных процессов и / или целей не является достаточным условием для институциональной коррупции. Акты институционального вреда, которые совершаются коррумпированными, а также не коррумпированными акторами, могут считаться актами институциональной коррозии.

На данном этапе необходимо отметить причинно-следственную теорию институциональной коррупции, которая предполагает нормативную телеологическую концепцию институтов, согласно которой институты определяются не только как организации или системы со своими целями, но как организации или системы с целями, направленными на общечеловеческое благо. Примером являются образовательные организации. Они определяют свою цель как «открытие и передача знаний», где знания являются, по крайней мере, инструментальным благом.

Здесь необходимо выделить определение концепции коррупционного действия, и, в частности, такое, которое не сводится к более общему понятию аморального действия. Действие является коррумпированным только в том случае, если оно развращает что-то или кого-то, поэтому коррупция является не только моральной концепцией, но и причинно-следственной или квазикаузальной концепцией. То есть действие является коррумпированным из-за того, что оно оказывает вредное воздействие на моральный облик человека или на институциональный процесс или цель. Соответственно, действие является коррумпированным только в том случае, если оно подрывает институциональный процесс или институциональную цель, или уничижает моральный характер институциональной роли.

Согласно причинно-следственной связи, нарушение конкретного закона или институционального правила само по себе не является актом институциональной коррупции. Для этого любое нарушение должно иметь институционально подрывающий эффект. Необходимо проводить различие между конкретным преступлением и институциональным эффектом совершения этого преступления [3].

Допустим: действие X (будь то одиночное или совместное действие), совершенное человеком (или людьми) A, является актом институциональной коррупции, если и только если:

X оказывает влияние на подрыв институционального процесса и / или цели (понимаемой как коллективное благо) какого-либо учреждения R и / или способствует уничижению морального характера некоторой роли I.

Следует обратить внимание на то, что теория причинно-следственных связей, сформулирована в общих терминах и, соответственно, подрыв институциональных целей, процессов и / или личностей (как занимающих институциональную роль), можно наложить на разнообразие коррупции в широком спектре институтов в различных социальных, политических и экономические условиях.

Когда чиновник принимает взятку в обмен на предоставление услуги взяточнику, это является индивидуальной коррупцией, поскольку чиновник получает личную выгоду или выгоду в обмен на продвижение частных интересов. Более того, очевидно, что выполняются следующие два условия: должностное лицо намеревается предоставить услугу (или, по крайней мере, намеревается создать впечатление, что он будет предоставлять услугу) и намеренно создает связь между взяткой и службой.

Подкуп институциональных акторов, использующих свою позицию, будь то позиция в государственном или частном секторе, может быть системным и, следовательно, чрезвычайно вредным для институтов. Рассмотрим повсеместный подкуп полиции в Индии с сопутствующим ему подрывом представления о беспристрастности и эффективности, не говоря уже об общественном доверии к полиции. Некоторые полицейские участки в части Индии представляют собой не что иное, как незаконный сбор налогов или, что лучше, агентства по вымогательству; местные бизнесмены должны платить местной полиции, если они хотят гарантировать себе эффективную

защиту полиции, водители грузовиков должны платить взятки полиции на транспортных контрольно-пропускных пунктах, если они хотят быстро проехать через перегруженные районы.

Возникновение конфликта интересов подрывает общественное доверие, которое, в свою очередь, наносит ущерб институту. Появление конфликта интересов возникает, когда законодатели используют свои должности для предоставления сомнительных «услуг» человеку, от которого они в значительной степени зависят. Что касается причинно-следственной связи, если законодатели или другие должностные лица совершают институционально вредные действия, которые, по их разумным предположениям, не могут быть признаны институционально вредными, то они не вовлечены в коррупцию, а скорее в случайный институциональный ущерб (и, возможно, коррозию, если действия продолжаются) [4].

Как мы отмечали ранее, в рамках парадигмы коррупционные действия являются разновидностью морально неправильных, привычных действий. Каков мотив для коррупционных поступков? Существует множество мотивов коррупционных действий, в том числе стремление к богатству, статусу и власти. Однако, по-видимому, есть, по крайней мере, один мотив, который, не должен быть связан с коррупцией, а именно: действия во благо. Иногда действия, совершаемые ради блага, являются, тем не менее, морально неправильными действиями. Действительно, некоторые действия, которые совершаются из желания достичь добра, являются коррупционными, а именно, действия, так называемого благородного характера.

Отметим, что даже в случаях коррупции по благородным причинам – вопреки тому, что думает человек, совершающий действие, – вполне возможно, что коррупционное действие не должно быть совершено с позиции морали; или, по крайней мере, коррумпированное действие pro tanto аморально, даже если оно морально допустимо, учитывая все обстоятельства. Соответственно, человек, который совершает это, вполне может просто ошибиться, если посчитает, что действие морально. Таким образом, их мотив, то есть действовать ради блага, имеет моральный недостаток. Они действуют только ради того, во что они верят и считают себя морально правыми, но на самом деле это аморально; их вера ошибочна. Таким образом, мы можем заключить, что коррумпированные действия – привычные действия, которые в самом крайнем случае аморальны и вполне возможно, аморальны все обстоятельства, и, следовательно, по всей вероятности, не мотивируется истинной верой.

Можно найти более сложные оправдания того, что на первый взгляд может показаться благородным актом коррупции. Возможно, сотрудник полиции не знал, что некоторые формы доказательств не допускаются. Ложное убеждение сотрудника полиции в том, что действие является правильным (выдвижение доказательств в суде), рационально зависело от некоторой ложной моральной убежденности (доказательство было допустимым); и офицер полиции пришел к выводу, что это моральное убеждение стало результатом рационального процесса (его проинформировали или, по крайней мере, дезинформировали, что доказательства были допустимы). Напрашивается вывод, что предполагаемый акт благородной коррупции на самом деле не был актом коррупции, хотя он мог бы морально подорвать законный институциональный процесс. Взятый для примера сотрудник полиции совершил действие, которое подорвало законный процесс уголовного правосудия. Однако его действия не были коррумпированы, потому что он не коррумпирован. Он не намеревался подорвать процесс, он не предвидел, что процесс будет подорван.

Ранее было высказано предположение о том, что акты благородной коррупции являются pro tanto аморальными, и что это, как правило, противоречит мнению актора. Тем не менее, вполне возможно, что некоторые акты благородства порождают коррупцию с моральной точки зрения. Возможно, акт благородства порождает коррупцию, хотя сам по себе является ошибочным, но, тем не менее, был объективно морально оправдан. Если это так, мы можем сделать вывод, что это действие не было актом коррупции.

Предположим, что полицейский под прикрытием предлагает «взятку» коррумпированному судье с целью «убедить» судью вынести снисходительный приговор. Полицейский фактически участвует в так называемой «спецоперации» в рамках антикоррупционной стратегии. Полицейский предлагает взятку с целью достижения морального блага, то есть осуждения коррумпированного чиновника. Однако мы не склонны называть это коррупцией. Предположительно, причина этого заключается в том, что в этом контексте «взятка» не оказывает разрушающего воздействия (институциональный процесс не нарушен, дальнейшего морального уничижения актора не происходит). Так что это тот случай, когда первоначальный акт благородной коррупции оказывается не актом коррупции. Менее очевидный случай – это случай, когда действие оказывает разрушающее действие. «Спецоперация» продолжается, взятки, предлагаемые сотрудником полиции под прикрытием, еще больше портят характер судьи, что оказывает дальнейшее влияние на судебные разбирательства. Здесь, возможно, офицер, проводивший спецоперацию, совершил коррупционный акт.

Какие из морально оправданных благородных деяний могут вызывать коррупцию? Предположим, гражданин А подкупает государственного служащего, чтобы гарантировать своему другу, который не имеет права выезжать за пределы Российской Федерации, выезд за границу и, таким образом, получить доступ к жизненно необходимому больничному лечению. Этот акт взяточничества, очевидно, является актом институциональной коррупции, так как законный институциональный процесс был подорван. Тем не менее, гражданин А действовал ради того, что он считал морально правильным, его действия были примером благородной коррупции. Более того, с точки зрения всех аспектов – в частности, в свете моральных обязательств перед близкими друзьями, когда их жизни угрожает опасность, – его действия вполне могут быть морально оправданы.

Соответственно, его акт коррупции вполне может не иметь разрушительного воздействия на самого себя. Но из того факта, что человек не был коррумпирован, не следует, что деяние не является коррумпированным.

Теоретизируя по вопросам институциональной коррупции, необходимо отметить, что на более общем уровне существует очевидная потребность со стороны философии концептуализировать понятие антикоррупционной деятельности или, в более широком смысле, системы целостности.

Система целостности – это институциональная структура, целью которой является продвижение этических принципов, кодексов поведения и, что особенно важно, предотвращение или, по крайней мере, снижение институциональной коррупции. Например, система добросовестности для образовательной организации может состоять из ряда локальных нормативных актов, отдела внутренней безопасности, состоящего из специалистов по антикоррупции, органа внешнего (общественного) надзора, механизмов профессиональной отчетности, действующего кодекса этики, процесса рассмотрения жалоб и так далее.

Вклад философов в формирование системы целостности был тройным. Во-первых, они предложили синоптические или «птичьи» взгляды на архитектуру таких систем и тем самым определили, подходят ли они для нормативных институциональных целей. Во-вторых, они рассмотрели различные этические проблемы, возникающие при разработке и внедрении системы целостности, а также различных её институциональных компонентов. В-третьих, они определили первопричину и / или рациональную основу коррупции и, в свете этого предложили соответствующие антикоррупционные меры. Один из предложенных вариантов решения – это совместная схема антикоррупционных действий на международном уровне.

Системы целостности могут рассматриваться как либо преимущественно реакционные, либо преимущественно профилактические, хотя различие между ними является несколько искусственным, поскольку всегда необходимы как реакционные меры, например расследование коррупционных действий, так и профилактические элементы, например, обучение этике. Реакционные меры принципиально линейны. Они вводят законы и нормативные акты, которые устанавливают перечень преступлений, реагируют на правонарушения, проводят расследования, выносят решения и принимают карательные меры.

Во многих областях, включая институциональную коррупцию, ресурсы системы ограничены, и, следовательно, необходимо принимать обоснованные решения в отношении определения приоритетности коррупционной деятельности, подлежащей расследованию, и в какой степени. Эту нравственную дилемму следует отличать от проблемы нехватки ресурсов, мотивированной желанием помешать антикоррупционным инициативам. Более того, оба эти вопроса следует отличать от дебатов между теми, кто выступает за усиление законов и нормативных актов для борьбы, например, с финансовой коррупцией или коррупцией в сфере образования, и теми, кто выступает за уменьшение таких законов и нормативных актов, поскольку они излишне увеличивают стоимость антикоррупционных действий.

Превентивные институциональные механизмы противодействия коррупции можно разделить на четыре категории. Механизмы, предназначенные для снижения мотивации заниматься коррупцией, например, программы этического образования; механизмы снижения способности тех, кто мотивирован участвовать в коррупции, например, законодательство по сокращению олигополий; эксплуатация отсутствия доверия между коррупционерами; механизмы устранения или уменьшения возможности участвовать в коррупции, например положения о конфликте интересов; механизмы выявления коррупционного поведения, например надзорные органы, медиа-организации [5].

Очевидно, что для обеспечения адекватности системы целостности необходимы как реакционные, так и профилактические меры. Эта точка зрения показывает, относится ли рассматриваемая система целостности к одной организации, отрасли, профессиональной группе или всему обществу. Еще один момент, который часто упускается из виду - система целостности должна быть эффективной, она предполагает структуру принятых социальных норм в смысле социально принятых моральных принципов. Социальные нормы обеспечивают стандарты, которые определяют то, что считается коррупцией. Более того, при этом они определяют, будет ли такое поведение допустимым или нет.

Коррупция является очень разнообразным явлением, включая взяточничество, кумовство, ложные показания, мошенничество, злоупотребление властью и так далее. Более того, коррупция принимает различные формы в спектре институтов, порождая политическую коррупцию, финансовую коррупцию, коррупцию в полиции, академическую коррупцию и так далее. Причинно-следственная теория коррупции является попыткой описать это разнообразие.

Широкое разнообразие коррупционных действий подразумевает, что необходим соответствующий широкий и разнообразный спектр конкретных мер по борьбе с коррупцией в ее различных формах и, возможно, в самых разных контекстах.

Библиография:

1. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. – М. : Мысль, 1984. – 644 с.
2. Вичужанина, М. Ю. Причины возникновения коррупции и современное состояние коррупции в России / М. Ю. Вичужанина // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России : сб. ст. по материалам VI Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Ариной. – М., 2016. – С. 30–35.
3. Коровушкин, С. А. Проблемные вопросы противодействия коррупции / С. А. Коровушкин // Закон и право. – № 3. – 2019. – С. 93–96.
4. Литвяк, Л. Г. Коррупция в России: история и современность / Л. Г. Литвяк, К. А. Плыгунов, А. В. Касатонов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 1. – С. 34–45.
5. Роуз-Аккерман, С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман. – М. : Логос, 2017. – 356 с.
6. Шедий М. В. Основные теоретические подходы исследования коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. №2. С.72 — 83. С. 72.